

“РЕАЛЬНОСТЬ” ГЕНДЕРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ

Понятие гендер рассматривается в социальных науках чаще всего для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека. В этом смысле гендер – это “осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения” (В. Шапиро)[5,227]. Многочисленные исследования по социальной и культурной антропологии (Мид, Клиффорд, Гирц, Рубин и др.) показали, что осознание гендера не является исторической и культурной константой. Тем не менее, вопрос о реальности гендера не может не быть затронут в социальных теориях, поскольку именно гендерные отношения лежат в основе горизонтальной социо-половой стратификации общества (в отличие от вертикальных классовой, сословной и подобных стратификаций), как показывают, например, кросс-культурные исследования. Таким образом, если гендер - это своего рода неизбежный итог социализации индивида, тогда что обеспечивает его “реальность”, детерминирует его? Необходимость обоснования “реальности” гендера вела исследователей разными путями. Чтобы раскрыть некоторые стратегии этого обоснования, я решила обратиться к столь различным традициям, как экзистенциализм С. де Бовуар, теории гендерного дисплея социолога И. Гофмана, и перформативной теории гендера Д. Батлер.

С. де Бовуар часто подвергалась критике за эссенциализм своей гендерной теории, а также за использование бинарных оппозиций классической философии в рассмотрении способов существования

женского и мужского. Следует отметить в данной связи, что С. де Бовуар, как и все экзистенциалисты, исходит из условий существования, а не из “сущности” явления. Для С. де Бовуар женская экзистенциальная ситуация изначально не тождественна мужской. Женщина, согласно де Бовуар, не может утвердить свою трансцендентальную позицию и свою ценность в мире в силу трагической амбивалентности своего существования: либо ситуация пассивности и сексуальной привлекательности для мужчины, либо независимость, но утрата сексуальности. В отношениях между полами присутствует трагическая ситуация “или-или”, данная без опосредования, своеобразная игра сил. Симона де Бовуар ставит вопрос о власти и феномене женского в культуре, причем в ее концепции сохраняется классическая дихотомия: рабство-господство.

Говоря о властных отношениях, С. де Бовуар ссылается на Гегеля: “Диалектика, определяющая по Гегелю, отношения хозяина к рабу, местами больше подходит для объяснения отношения мужчины к женщине. Преимущество хозяина, говорит он, основано на том, что, рискуя жизнью, он утверждает примат Духа над жизнью, но на самом деле покоренному рабу этот риск тоже знаком. А вот женщина - это изначально существо, которое дает жизнь вообще и не рискует своей жизнью, она никогда не сталкивалась с мужчиной в борьбе, к ней всецело приложимо гегелевское определение: “Другое сознание – это сознание зависимое, для которого основной действительностью является животная жизнь, то есть бытие, данное другой сущностью”[3, 181].

С. де Бовуар отмечает, что статус женского в культуре всегда оценивался бинарным образом: либо по отношению к нему осуществляется функция крайнего отрицания, либо ему придаются черты недостижимой ценности. Чтобы объяснить этот бинаризм, исследовательница обращается к экзистенциалистской концепции “друговости”: “как было уже сказано, “другой” в экзистенциализме

- это всегда тот, кто угрожает моему “я”, моей идентичности, поэтому по отношению к нему возможна только бинарная позиция: либо я признаю его и, в таком случае, восхваляю, либо же “я” подавляю его и, в таком случае, отрицаю. Именно эта бинарная закономерность прослеживается, считает С. де Бовуар, по отношению к феномену женского в культуре”[4, 19-21].

Иные основания для объяснения реальности гендера дает социологическая традиция. Ирвин Гофман использует для этого понятие гендерного дисплея. Он исходит из теории социализации, в процессе которой каждый осваивает ряд необходимых церемоний, единицами которых являются ритуалы. “Ритуал- это отдельно стоящий фиксированный элемент церемонии. Он интерперсональный и конвенциональный акт, который воссоздает отношение индивида к другому” [2, 308]. Данные ритуалы несут информативную функцию, а также контролирующую функцию перформанса. Ритуал – это некая предустановленная последовательность действий, которая периодически и в разных ситуациях заново происходит, случается, поэтому можно говорить о ритуальных дисплеях. Эти дисплеи могут по-разному классифицироваться.

Главное, что важно отметить в данном контексте, это то, что дисплей служит для идентификации индивида. Основой для этой идентификации и служит гендерный дисплей, поскольку “существуют стили поведения, коды, которые осуществляют различие между теми путями, посредством которых мужчины и женщины себя позиционируют”[2, 310]. По Гофману, генезис гендерного дисплея связан с первичным социальным паттерном, а именно, отношением родителей и ребенка. Ребенок живет в другой реальности: его реальность является всепрощающей, он имеет право на эскапизм, он имеет защитника, который ограждает его от реальности, отменяет реальность. Однако и ребенок становится объектом физических ограничений и команд,

немотивированной опеки, отрицаются его желания. Этот первичный паттерн Гофман переносит на систему стратификаций во “взрослой” жизни: “Становится ясным, что в нашем обществе, вне зависимости от того, мужчина ли имеет дело с женщиной, или подчиненным мужчиной, некоторое смягчение, уменьшение потенциальной дистанции, насилия или враждебности с достаточной вероятностью может быть достигнуто посредством апелляции к комплексу “родитель-ребенок”, где “младшие” приравниваются к детям” [2, 315]. Понятие гендера, феминности и маскулинности создаются, считает Гофман благодаря нашей привычке обобщать и типизировать в ходе поиска информации об объектах и их свойствах, которые ощущаются нами как постоянные, всеобъемлющие и структурообразующие- это отнесение по каким-либо признакам к типу, классу, роду, и самое широкое- отнесение к гендеру. “Гендерный дисплей нужен нам для понимания и оправдания своей “истинной природы. То, что характеризует людей как членов полового класса, общности - это их способность и готовность поддерживать приемлемый сценарий дисплеев”[2, 317].

Если для С. де Бовуар гендерные различия - трагическая основа существования, то для И. Гофмана гендерные экспрессии - не более, чем шоу, в котором всякий волен участвовать или не участвовать.

Новые основания гендерной теории выбирает традиция, заданная Фуко. Как известно, Фуко выдвинул идею различия и множественности вместо теории тождества, идею неструктурного в структуре, идею наличия внеязыковых реальностей (тело, сексуальность, власть, желание). Фуко создал модель внесубъектного, телесного функционирования индивида как неидентичной себе, телесной, маргинальной субъективности (заключенный, больной, сумасшедший, ребенок, и сексуализированный субъект- женщина). Джудит Батлер использует теорию власти и маргинальности М.Фуко, дополняя

ее теорией перформативного гендера. Эта теория исходит из первичности действия по отношению к субъективной структуре: действие может происходить вне всякой корреляции с Я (например, бессознательное действие). Батлер отрицает как то, что гендер - изначальное условие человеческого существования, так и то, что он сконструирован в качестве паттерна неким Я или Мы (например, теория И. Гофмана), которые предшествуют данной конструкции.

Батлер критикует С. де Бовуар, философия которой, по ее мнению, “допускает некое индивидуальное Я, действующее согласно своему гендеру и которое в конце концов становится уникальной женской сущностью” [2, 218]. По мнению Батлер, в традиционной феминистской теории гендер дан как социальный конструкт, которому предшествует пол как некая предискурсивная данность. Батлер же отрицает “предискурсивное я” и считает, что само “Я возникает как эффект внутри действия матрицы гендерных отношений и процесса гендеризации” [4, 217].

Батлер считает, что деление на предискурсивную и дискурсивную сексуальность – это демонстрация иерархизированного мышления, которое не должно быть допустимо в феминистской мысли. Свою концепцию перформативности Батлер основывает на концепции власти Фуко, согласно которой нет субъективности вне дискурсивных властных практик. Батлер пишет о властных отношениях следующее: “Обычная модель понимания этого процесса такова: власть внедряет себя в нас, и, ослабленные ее силой, мы интернализируем или принимаем ее термины. Что не учитывается в таком подходе, однако что сами “мы” принимающие эти термины, фундаментально зависимы от них в нашем существовании. Не существует дискурсивных терминов для артикуляции никакого “мы”. Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но

который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее. “Субъекция” означает процесс становления субординированным властью и в то же время процесс становления субъектом”[1, 16]. Таким образом, гендерная перформативность по Батлер не является сингулярным актом выбора, а воспроизводством регулятивных и властных социокультурных норм. Перформативность понимается Батлер как “цитатность, когда норма пола цитирует норму социального закона. Именно поэтому гей - лесбийские и квир –идентичности формируются властью через дискурс исключения, насилия и стыда” [4, 216].

Таким образом, реальность гендера может описываться через экзистенцию мужчины и женщины с использованием бинарных оппозиций раб-господин, Я-другой (С. де Бовуар), в духе социального конструктивизма - через принятие в процессе социализации гендерных дисплеев (И. Гофман), в традиции Фуко - через цитирование властного дискурса и норм (Д. Батлер). При этом во всех теориях присутствует апелляция к властным отношениям, предполагающим субординацию (не только вертикальную, но и горизонтальную) как неизбежный каркас социальных стратегий взаимодействия новых ценностей.

Литература.

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. - СПб., 2002.
2. Гофман И. Гендерный дисплей / Введение в гендерные исследования. - СПб., 2001. - Ч. 2.
3. де Бовуар С. Мифы // Второй пол
4. Жеребкина И. Прочти мое желание. - М., 2000.
5. Новейший философский словарь. - Минск, 2001.